

## ЛИШЬ ДОГАДЫВАТЬСЯ О ЦЕЛОМ

Вальдемар Вебер. Черепки. - М., Издательство Руслана Элинина, 2001.

"Лишь догадываться о целом" - две последние строки из шести, составляющих стихотворение, давшее название всему сборнику. Стихи, черепки сосуда, по которым мы можем лишь догадываться о целом.

У меня, как у читателя, возникает ощущение, что поэт неторопливо и ненавязчиво разгадывает кроссворд Всевышнего. Сочетание слов "лишь догадываться" повторится и в другом стихотворении - "Об одном друге":

С ним хорошо молчать.  
Его молчание не превращается в муку,  
не требует суетливого поиска темы.  
Оно естественно, как молчание природы,  
наполнено напряжением монолога.  
О сути которого  
можно лишь догадываться  
по обрывкам фраз...

Предельная бережность и нежная деликатность к веществу мира, в любой форме его проявления, включая самую трагическую - смерть, не оставляет автора ни на одну строку в той смысловой, звуковой, образной мозаике, что составляет основу поэтического текста. Узкая, шириной в ладонь книжка. Сотня страниц предельной почти суггестии верлибра. Словно слои каменноугольных напластований, содержащих в потенциале колоссальный эквивалент энергии. Но ровно так, как для добычи глубинной, а, следовательно, самой энергоемкой руды, потребна некоторая сумма адекватных усилий, для чтения этой книги нужны как внешние условия - ее не прочтешь в метро, так и определенный внутренний настрой, ибо зачастую внешне скупые образы стихотворения - лишь ключ, толчок к последующему саморазвертыванию целых образных каскадов. Возможно, предельно концентрированно это выражено в самом кратком стихотворении сборника "Тетя Мария":

Решетка морщин на лице.  
Отпечаток восьми одиночек.

Но уже в первом стихотворении книги этот авторский посыл исчерпывающим образом очевиден:

Букет роз,  
слегка распустившихся,  
но уже начинающих подвядать,  
похожих на плотно скрученные  
рулончики свитков.  
Боюсь, что они так и не развернутся  
и я не прочту написанного на них.

Бережность к хрупкости дарованного человеку мира и величайший пиетет к языку его тайнописи. Эти мотивы возникают в книге неоднократно, можно сказать, входят в число ведущих. Так, в стихотворении "Голландский натюрморт" речь идет в том числе и о некоем письме: "...тебе не узнать о его содержании, \ не выведать тайны, сокрытой в нем... \ Покидая зал, \ утешай себя тем, \ что чужие письма читать не принято". "Пусть тайну тайн хранит немой покров" - скажет автор в другом стихотворении, посвященном А. Прокопьеву.

Поэт стоит на страже приваса мироздания. И трудно становится уйти от мысли, что широко разрекламированное открытие генома человека и не связано, возможно, напрямую с последними трагическими событиями новейшей истории, но может, как говорится, "не там копали"? Второе стихотворение сборника носит название "Дождь", но

метеорологическая зарисовка оказывается провокацией, тропом в ветхозаветное пространство-время, или, точнее, притягивает, вовлекает оное в наше сегодня:

Вот так бы он лил и лил,  
и случился потоп,  
и покрыл наш позор,  
а мы бы спаслись...

Тот же эффект возникает и в стихотворении 1981 года "Третий Рим", где "глас волчицы\ над опустошенным градом" разрушители принимают "за вой конвойных собак". И других подобных примеров в книжке немало.

Прямое дело художника вообще и поэта в частности - расширение прежних границ пространств, при этом неважно каких - мыслительных, географических, любых других, равно как и взлом барьеров между ними. Так, "Облака моей родины\ принимают очертанья ...\желания вырваться \ из оков бесчестия,\ за пределы свершившегося...", а в стихотворении, посвященном Виктору Санчуку "вновь запевае дрозд/ освобожденный / из клетки черепа /... прутья решетки \ превращаются в солому в осоку \ в камыш в стебельки в траву\ и вот уже на легкой лодочке\ я плыву \ и не знаю\ во сне ль\ наяву..." А зависть, например, эмигрирует из категории чувств в другие измерения:

Зависть - категория времени.  
Дробит вечность  
на крохи.

Поэт жонглирует смыслами, обнажая процесс рождения парадокса, сердцевины жизни и поэзии, ее части, в том числе:

Обморок,  
приводящий в чувство.  
Немота,  
возвращающая речь.

И еще:

Для оправдания тьмы говорят:  
без нее ты не увидел бы света,  
для оправдания лжи:  
не осознал бы правды...  
Какова же должна быть степень  
тьмы или лжи,  
чтобы пробиться  
к полному свету,  
узнать всю правду!

Неимоверный, казалось бы, непреодолимый, трагизм человеческого бытия замиряется лишь неистребимой жертвенностью всего предшествующего:

Выжженные ландшафты сердца.  
Каждый раз думаешь:  
уже ничему не взрасти  
на этих погубленных нивах.  
Но взгляни –  
цветет,  
разрастается буйно крапива  
на благодатном,  
на благодарном прахе.

И, конечно же, детство, как едва ли не последнее прибежище надежды:

*"О нет, далеко не все сети, заброшенные в пруды детства, порвались, - до сих пор кормлюсь тем уловом..."*

Зоркость и тщательность наблюдения роднит поэта с художником, живописующим натюрморт. И начинается сборник с букета роз, слегка распустившихся, и не случайно, вероятно, возникновение в книге стихотворение "Голландский натюрморт", и именно через луч, заглянувший в окно, границы натюрморта раздвигаются до вселенских, а возможно и галактических, как, к примеру, в следующем стихотворении:

Взглянуть на этот мир не с высоты луны,  
она, как все на свете, брэнна тоже,  
но на нее саму со стороны,  
с иных вершин, с той горней вышины,  
откуда видно, как из царской ложи.

Обрывая цитируемое стихотворение на первой трети, я испытываю чувство почти физического дискомфорта, понимая, конечно, при этом, что невозможно перепечатать в небольшой статье все стихотворения этой потрясающей книжки.

Замечательное послесловие к этой книге Виктора Санчука озаглавлено строчкой одного из стихотворений Вальдемара Вебера "Жизнь продолжается". Вторя Виктору Санчуку и перефразируя Осипа Мандельштама, предположу, что если ценой невыносимого напряжения или чуда, или, коли каждого по отдельности будет недостаточно, того и другого вместе, удастся таки "склеить трех столетий позвонки", в данном случае культуры, литературы и поэзии, то заслуга в этом Вальдемара Вебера вообще и этой книги, в частности, будет со временем очевидна.

**Александра Козырева**

Опубликовано в: Журнал «Крещатик» (Ганновер-Санкт-Петербург) и Интернет-журнал «Кипарисовый ларец».

*Москва, октябрь 2001*